

Н. АШЕШОВ

<Из жизни и литературы>

<фрагмент>

<...> Желая лететь в метафизическую высь, «Новый Путь» решительно не желает отказаться от литературы, искусства, общественных благ. И в этой области он тоже ищет новых путей. Лидером литературно-критического отдела в журнале является г. Антон Крайний — мужчина (если он — мужчина) развязный, разухабистый, веселый, *sans façons**. Он напоминает Алешку, сапожника из пьесы М. Горького «На дне», и эпитафией всех своих писаний мог бы взять слова этого разудалого парня: «Ничего не хочу — и шабаш... не желаю, не хочу...» Г. Антон Крайний ничего не хочет и ничего не желает, потому что он всем недоволен: вся, решительно вся текущая литература не удовлетворяет пылкого критика. И поэтому он делает почти ежемесячные набеги на все лагеря и расправляется круто со своими врагами. В этом отношении г. Антон Крайний весьма напоминает г. Василия Скворцова: непринужденность поз, легкость мысли и скорострельность критики объединяет их в нечто тождественное, как бы неприятно ни казалось и тому, и другому это сближение.

Всю современную литературу г. Крайний ставит насмарку. В этой литературе нет мистических глубин, а бьется пульс страдающей жизни, которую г. Крайний презирает. Эта литература — демократична, а г. Крайний — брезгливый сверхчеловек, эстет. Эстетизм же выясняет другой сотрудник «Нов. Пути», г. Лобанов (во всем тождественный г. Крайнему):

«Уходя от людей, предназначая себя на служение лишь избранным, эстетизм приобретает обязательность свободного одиночества, совершает таинственное жертвоприношение одинокой

красоте. Тайна остается внизу, в *уродстве*, а избранники говорят только избранным и куют мистические ключи тайн».

Эта высокопарная и, в сущности, бессмысленная тирада рисует все великолепие, неприступность и высоту гг. Крайних, Лобановых и прочих предвозвестников новых путей новой жизни, в одном отделе проповедующих свободу, мистическую любовь, красоту боговдохновенной жизни, а в другом — учиняющих пляс над свободой и любовью ради «жертвоприношений одинокой красоте». Об «уродстве» толпы, которую, естественно, презирают «новые» люди, мы говорить не будем: стоит ли останавливаться на гордом аристократизме людей, попавших «из грязи в князи»?

Интересно посмотреть, как на практике осуществляются эти гордые теории новых людей. В сущности, определенных требований к литературе журнал не предъявляет, и вся критика в устах г. Крайнего сводится к покушению остроумничать негодными средствами, фельетонно-легковесному балагурству, ужимкам и прыжкам логики. По существу г. Крайний говорить не может и не умеет и ни в одной своей статье ничего определенного, кроме порой литературных сплетен, не обнаруживает, огульно обвиняя все журналы в неведомых грехах да иногда предавая анафеме реалистическое направление в искусстве.

Но зато «практическая эстетика» журнала прямо великолепна. Например, можно залюбоваться, как гордая эстетка, приносящая жертвоприношения одинокой красоте, г-жа Гиппиус описывает свое путешествие на «Святое озеро»*.

Поехала она для изучения нижегородского раскола, влекомая, вероятно, мистическими тайнами. Поехала и вела дневник, заноса в него все свои впечатления. И вот мы из собственноручной записи гордой эстетки узнаем, что она изучала раскол при помощи... администрации и полиции. Через каждую строчку объективная, беспристрастная и гордая одиночеством поэтесса указывает на помощь, которую ей оказывала полиция.

«Пришел помощник исправника и обещал нам дать урядника для сопровождения на Светлое озеро» (№ 1, с. 157). «Едем с урядником на козлах» (№ 1, с. 164). «Лошадей нам заказали к десяти утра, благодаря уряднику и письму из С. к здешнему приставу: все о нас заботились. и страшно хлопотали» (№ 1, с. 179). «Урядник... всю дорогу рассказывал нам» (№ 2, с. 17). «Явился исправник... спрашивал, все ли нам предоставили» (№ 2, с. 18).

Главное путешествие в скиты эстетка совершила в такой свите: «Часов в 12 выехали на трех тройках.

* бесцеремонный (фр.).

* Новый Путь. 1904. № 1 и 2.

Посреди исправник с о. Анемподистом (миссионером), потом мы... за нами... член суда».

На возвратном пути, при посещении храмов в городах, г-жа Гиппиус отмечает:

«Пристава провели нас вперед» (№ 2, с. 34). Нечего говорить о том, что г-жа Гиппиус была отлично принята во всех губернских городах губернаторами и прочими властями. Описанию приемов у губернатора посвящена почти половина воспоминаний г-жи Гиппиус.

Вот как эстеты-мистики изучают религиозное движение в народе! И после этого г-жа Гиппиус имеет смелость и наглость громить «интеллигентов, идущих к меньшим братьям» не с «любовью», а с «жалостью», помогавших народу во время голода и не добившихся с ним никакого слияния!

Вот к чему свелся весь гордый эстетизм... <...>

